

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АННА МИШИНА

Соседство
не по плану,

ИЛИ ЗАМУЖ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ!

Анна Мишина

Соседство не по плану или Замуж не предлагать

<https://litres.ru/74599962>

SelfPub; 2026

Аннотация

У меня всё было по плану: привести в порядок бабушкин дом, обустроить огород и наслаждаться тишиной. Мужчины в этот список не входили. Особенно бородатые, властные и уверенные, что без их помощи я никак не справлюсь.

Но по соседству поселился Александр. Бывший военный, любитель командовать и нарушать мои тщательно выстроенные границы. Я ему: «Не тронь забор!» А он уже решает, что мне чинить, чем кормить и куда нести. В смысле — меня. На руках.

И ладно бы только он. Есть ещё его племянник Гришка, которому очень нужен настоящий дом, и одноглазый кот, для которого чужих участков не существует. Незаметно вся эта компания занимает в моей жизни куда больше места, чем я собиралась ей выделить.

Только вот забор можно поставить заново. А что делать с сердцем, которое больше не хочет держать оборону?

Содержание

Глава 1. Конец спокойствию	4
Глава 2. Не тронь забор	16
Глава 3. Несанкционированные гости	27
Глава 4. Все по плану	39
Глава 5. Пират	52
Глава 6. Женщина-беда	64
Г	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анна Мишина

Соседство не по плану или Замуж не предлагать

Глава 1. Конец спокойствию

Ася

Блаженство.

В последние дни это что-то из области фантастики. То и дело слышится шум подъезжающей машины. А сегодня тишина. И я даже боюсь уже смотреть на часы. А вдруг еще придет?

Кажется, в ближайшее время в соседний дом въедет как минимум огромное семейство. Дом огромный, мебель – завозят газелями.

Семь.

Вздыхаю.

Еще не вечер, что называется. Приедет еще машина. Нутром чувствую. Мое спокойствие пошло по одному месту. С прошлого лета. На соседнем заброшенном участке вдруг началась суeta. До этого столько лет зарастающий кусок земли и разрушающийся от времени старенький деревенский до-

мик стояли тихо-тихо, мне на радость. Начали заезжать машины со строителями, тяжелая техника. Все разнесли, скопили, вывезли и началось строительство. Поставили дом из бруса. Но зимой я немного выдохнула. Все застыло на время. А в этот сезон, как снег начал сходить, начался ужас.

Для меня.

Не будет больше мне тишины?

С этими мыслями проваливаюсь в дрему.

Бип-бип.

Резко сажусь в постели с гулко бьющимся сердцем в груди.

Это что еще такое?!

Вскакиваю с постели и, запахнув халат, выхожу на крыльцо.

Бип-бип.

На часах почти восемь. А кто-то надумал сигналить на всю улицу. И это у соседнего участка. Кого там принесло?

Иду к калитке, выглядываю.

Стоит машина с номерами чужого региона.

– А вам кого? – спрашиваю у выглянувшего из машины мужчины лет сорока с лишним.

– Так вот, – показывает на участок. – Где хозяин? Не видели?

Мужчина оглядел меня с ног до головы, усмехнувшись.

Хочется прикрыться от такой наглости.

– Так нет никого, – отвечаю.

Я точно знаю. Там тишина полнейшая со вчерашнего дня.

Да и ни разу за это время я не видела здесь хозяина.

– Да, странно. Договорились встретиться здесь. Связь у вас го... – прикусывает язык, – не ловит, – исправляется.

Пожимаю плечами и возвращаюсь к себе.

Выдыхаю.

Даже интересно уже становится: кто тут хозяин?

Стою в саду и, вздохнув, начинаю строить план на день. Два часа до полудня нужно доделать грядку, а после пяти надо будет покосить траву за домом, а то я с этими разъездами запустила все. До душа не дойти, крапива разрослась.

Возвращаюсь в дом. Включаю чайник и иду умываться на улицу. Не удалось мне достроить пристройку в прошлом году. Ее подвели под крышу, и я заморозила стройку. А там теперь нужно утеплить стены, потолок, обшить все, провести отопление, сантехнику... Дел выше крыши, а главное – сколько еще нужно вложить. Аж страшно. А кухня уже начала претерпевать изменения. Ох, видела бы бабушка, что я творю и вытворяю в ее избушке, с ума бы сошла.

Умываясь, ловлю свое отражение в небольшом зеркальце. Растрепанная. Мои волнистые волосы, остриженные в каре, потому что хвост сводил с ума, и вечная гулька на затылке мешала надевать кепку. В общем, обычно у нас, женщин, чуть что – волосы принимают на себя удар.

Зато стало легко. И я довольна своей внешностью. И вообще, мой розовый халат со звездами мне очень идет.

Умывшись под пение птичек, слышу шум приближаю-

щейся машины.

Прислушиваюсь.

Точно, еще одна едет сюда.

Любопытство берет верх над моей силой воли, и я, скрываясь за деревьями, подхожу ближе к забору. Прислушиваюсь.

Машина останавливается у соседнего участка и хлопает дверью. Потом еще одна. И слышатся мужские голоса.

Так-так...

– Да сам только еду, – доносится один из голосов уже ближе.

Открывается калитка соседнего участка и на территорию входят двое мужчин. Первого я уже видела. А вот второго вижу впервые. Такой же высокий, с бородой, в спецовке какой-то. Рабочие?

Интересно...

Провожая взглядом две мощные спины.

Уходят к крыльцу, скрываясь из вида.

Все-все, я больше не буду подглядывать, – обещаю себе и иду к дому.

Завариваю себе чай с листьями смородины. Делаю пару бутербродов и выхожу на крыльцо. Сажусь прямо на ступеньку.

Нет желания пить чай за столом в саду. Одной как-то скучно. Кота, что ли, завести? С этими мыслями завтракаю.

Боюсь, что кот со мной с голоду помрет. Ну да ладно. По-

живем — увидим.

Перекусив, принимаюсь за грядку. Июнь в разгаре, и я надеюсь, что в этом году успею что-нибудь посадить. Хоть укроп. Я не вписалась в свой план-график. К сожалению. А вот теплицу поставить успела. Это одно из моих самых важных вложений в конце апреля. И там уже вовсю растут огурчики и помидорчики. Жду, когда вот-вот подрастет первый огурец.

Включаю колонку на подоконнике, распахнув створки, прикрываю всё шторами, чтобы не налетели всякие гады, и, включив любимый альбом, беру инструменты и иду к грядке. Осталось присверлить доски к брускам, а потом установить на подготовленное место.

У другого забора я подготовила место для трех грядок. Для начала и этого хватит. Один черт не успела к началу сезона. Так хоть к следующему подготовлюсь.

Принимаюсь за работу. И, подпевая себе под нос любимые песни, работается хорошо.

Через два часа у меня готова первая конструкция. Делаю сразу так, чтобы не пришлось думать, как всю конструкцию потом перетаскивать. Я сама себе конструктор, но, к сожалению, не грузчик-погрузчик. Силенок не хватит, чтобы все это тягать. Иногда подумываю, а не прикупить ли мне лебедку. Кстати, об этом нужно будет подумать. Поэтому вбиваю старенькой кувалдой бруски по углам, которые изначально успела подточить, чтобы шли хорошо. И вуаля. Первая гряд-

ка готова. Ну, почти. Осталось ее заполнить всяким, чтобы она стала похожа на грядку. Кто молодец? Я молодец! И с чувством, что, наконец, дела начинают идти по плану, иду в дом. Время для работы на улице закончилось. В жару работать невыносимо. Можно уделить время и удаленке. Если бы не она, ни черта я не смогла бы воплотить свои идеи в жизнь.

Что может быть хуже запаха шашлыка? Только запах, идущий с улицы, который так и манит выйти и присоединиться к трапезе.

Даже желудок заурчал.

Вздыхаю.

Смотрю на часы: уже четыре. Даю себе ещё полчаса на работу. А потом уже можно будет и перекусить.

Снова утыкаюсь взглядом в экран ноутбука. Пальцы порхают по клавиатуре.

Пик-пик: в чате спрашивают прайс на яйца и творог; в почте — два «срочно, пожалуйста»; в админке соцсетей очередь из комментариев. Кидаю ссылку на ассортимент, правлю пост о сыре (переставляю фото повыше), ставлю в отложку объявление про ягнатику, отвечаю коротко и тепло: «Отправка – по средам, самовывоз – по выходным». Звоню Михалычу, уточняю, сколько сметаны будет к воскресенью, и параллельно проверяю геометку у сторис: чтобы не терялась. В общем, работа – сборная солянка из мелочей, и мне это

нравится. И лучший бонус – ни офиса, ни болтовни у кулера: тишина, я и дела.

За окнами на улице неожиданно раздаётся хлопок, и я чуть не подскакиваю на стуле, ударившись коленом о стол.

– Что за чёрт? – выхожу из комнаты и иду на улицу.

Пахнет всё же первоклассно: тёплый дым, треск жирка на решётке, кислинка маринада. Давно я не ела шашлык. Да и, в принципе, давно не ела.

Прислушиваюсь.

С соседнего участка доносятся мужские голоса. Те же работники? Странно, что мясо жарят, а не работают.

До слуха доходит дружный мужской хохот.

Возвращаюсь на кухню, заглядываю в холодильник.

М-да.

Надо бы выбраться в город за продуктами. Без машины в деревне грустно. Придётся просить кого-нибудь из местных. А для закупки на пару дней можно дойти до местного райпо... Вечером прогуляюсь.

На перекус иду собирать ягоды. Как раз клубника вовсю зреет. Под яблонями разрослась ковром. Бабушка за ней приглядывала и не давала так заполнить свободное место. Мне же нравится. Может, потом я поменяю своё мнение. А пока пусть так растёт, мне не жалко. Места много, и ягоды

тоже.

Набираю себе в небольшую миску, промываю водой из шланга и возвращаюсь в дом. Из холодильника достаю сметану, добавляю в неё немного сахара и сажусь за стол.

– М-м-м, – вкус детства. Клубника со сметаной.

А ещё свеженького бы батончика, хрустящего, ещё тёплого, и стакан холодного молока. Вот жизнь-то была! Ничего лучше придумать нельзя было. А сейчас! Нужно быть взрослой. И всем остальным из этого вытекающим.

Вздохнув, наевшись до отвала, несу себя во двор. Дела себя сами не сделают.

Дальше по плану... Оглядываюсь. Собрать ещё две грядки. Но сегодня я всё же смогу сделать одну. Завтра с утра — третью. А потом уже буду заниматься их наполнением.

И, кивнув своим мыслям, приступаю к работе.

– Шурик, мать твою, – вздыхаю, – когда понимаю, что аккумулятор шуруповёрта сел не вовремя.

Несусь к дому, проверяю второй. Ну я была бы не я, если бы второй аккумулятор оказался заряженным.

– Ася, блин, – ругаю себя.

Ставлю на зарядку. И приземляюсь на ступеньки крыльца. Ну и какой план?

Вскакиваю, схватив пилу. Пойду подготовлю бруски.

И работа снова закипает.

Как говорила моя бабуля, беспокойная голова рукам по-

коя не даёт. Вот это прям моё кредо. Но мне и так неплохо. Мою неуёмную фантазию не усмирить. А нехватка денег с детства привела к тому, что я себе сама что-то да делала, мастерила. Начиная с новогоднего костюма, заканчивая... да и не заканчивая до сих пор.

– Девушка!

Замираю с пилой в руке. Прислушиваюсь. Показалось?

Продолжаю пилить.

– Девушка? Эй!

Выпрямляюсь и оглядываюсь.

У забора, с того самого «нелюбимого» мной соседского участка, стоит мужчина — тот самый, который шумел сегодня с утра. Стоит, руки сложил поверх штaketника и лыбится. На нём выцветшая футболка с пятном маринада, бейсболка козырьком назад; от него тянет дымком и уксусной кислинкой. Голос — баском, с хрипотцой.

– Чё надо? – спрашиваю.

– Вам помочь?

На вид лет сорок. Высокий, подтянутый. Да-да, я наблюдательная. На левой брови тонкий шрам — заметила сразу, когда улыбнулся.

– Себе помогите, – отвечаю и, отвернувшись, продолжаю своё дело.

Что-то себе пробубнил, но отстал.

Ишь какой. Помочь мне собрался. Знаю я вас, рукож...

тьфу, настроение всё испортил!

Но я не бросаю на полпути начатое. Поэтому злюсь на себя, но делаю. Ёжики, они такие: кактус жрут и плачут.

Установив вторую грядку, сажусь на её край и выдыхаю. Стягиваю перчатки с рук, кидаю рядом. Ой, кажется, мозоль натёрла.

Смотрю на часы на запястье.

Почти семь.

Вскакиваю. Райпо закроется через час. Нужно переодеться и бегом до магазина добежать. Что и делаю.

Собираюсь быстро. Переодеваю свой рабочий комбез на выходной. Люблю я этот вариант одежды. Удобно, практично. Под комбез — рубашку, закатываю рукава. Повязываю бандану на голову, убрав торчащие в разные стороны непослушные завитки. Ну вот я и готова.

Хватаю связку ключей с холодильника и выхожу из дома. Закрываю входную дверь. Замок пока навесной. Вот помения дверь, тогда хороший вставлю. Выskalзываю во двор открываю калитку и выхожу на улицу. С уличной стороны возвращаю калитку на место и, просунув руку между штакетинами, накидываю крючок обратно: у меня там выведена тонкая петелька из шпагата — вернусь, дёрну, открою. Так удобнее, пока новый замок не поставлен.

И всё, бегом до магазина.

– Ася, давно не заходила ко мне, – за прилавком стоит Людмила.

– Заработалась, – вздыхаю. – Привет, Люд.

– Что хочешь? У меня всё свеженькое.

– Всего, – глаза аж разбегаются. – Молока, хлеба, чтобы завтра с утра не бежать, – и продолжаю набирать.

– Ась.

– М? – расплачиваюсь на кассе.

– А не хочешь маникюр сделать? – спрашивает она, заострив своё внимание на моих руках.

Я невольно сама разглядываю свои коротко стриженные ногти.

– А что не так?

– Да всё так, – улыбается. – У меня племянница учится. И она потренируется, и ты — красивая.

– Да какие ногти при моих делах? Ты лучше мне скажи, что прикупить у тебя из семян? Кстати, спасибо за рассаду, огурчики поспевают, – благодарю её и разглядываю на стенде пакетики с семенами.

– А что хочешь? Сажают-то в апреле—мае, – подходит ко мне.

– Не знаю, тебе виднее. Я только начинаю.

– Ты бы у Семёна Михайловича спросила, он бы тебе профессиональную лекцию зачитал, – смеётся.

– Ну, то профессиональная. Я многих слов, которыми он выражается, не знаю. А ты по-свойски, по-домашнему. Да-

вай вот, — показываю на укроп.

— Он и сам растёт, — пожимает плечами. — Но возьми. Я тебе еще лук-севок отдам. У меня немного осталось. Дозреть может и не успеет, но на зелень взойдёт, — убегает в подсобку. И возвращается через минуту, держа в руках небольшую коробочку. — Вот. Потыкаешь в грядку. Ещё можешь салат посадить, взойдёт. Плёнкой накроешь — быстрее будет дело.

— Пока хватит. С этим как разберусь, приду к тебе ещё, — усмехаюсь.

Возвращаюсь домой. Мимо проносится машина. Та самая, что с утра сигналила. И водила тот же, что предлагал помощь свою.

Бип-бип, — сигналит и улыбается, проезжая мимо.

Арр, пусть едет подальше отсюда.

Подходя к своему забору, замечаю на соседнем движение. Там остался второй мужик. Интересно, он что, не уедет?

Глава 2. Не тронь забор

Ася

Захожу домой. Ставлю пакеты на пол, разбираю продукты. Потом изучаю купленные семена. Надо сегодня доделать грядки и засеять. И луком, и укропом. Можно ещё петрушки посадить, да салат. И будет мне счастье.

Переодеваюсь в свой рабочий комбез. И, налив себе в чашку чай и сделав бутерброд, выхожу на крыльцо. Сажу на ступеньке, жую. И денёк сегодня хороший, и настроение.

Оставляю кружку на перилах и, взяв тачку, качу её назад, за участок. Там, метров через сорок – лес. А до него – заросший луг. Бабушка там раньше козу на выгул выводила, траву на сено косила. А я туда за землёй и ветками. Для начала набираю у кромки леса всё, что плохо лежит: палки, ветки, сухие листья. И так туда-сюда раз двадцать, не меньше, пока набрала по половине одну и вторую грядку. А потом уже вооружилась ещё и лопатой.

И когда в одну из своих ходок с полной тачкой, которую еле толкаю, замечаю у смежного с соседним участком забора того второго мужика, который остался. Стоит, щупает доски. Трясёт, будто проверяет на прочность.

Это что ещё такое?

Вытираю мокрый лоб рукой и приглядываюсь к мужику.

Высокий. С бородой. В футболке цвета хаки.

Ну точно рабочий. И зачем ему понадобился мой забор?

Замечаю, как он трясёт его сильнее, что все сооружение идёт волной.

– Эй, – кричу ему. – Эй, ты! Ты что делаешь? – делаю пару воинственных шагов к забору.

Мужик поднимает на меня взгляд, и вся моя воинственность куда-то пропадает. Взгляд такой... такой удивлённый.

– Вы вообще кто? – спрашиваю его, стараясь говорить твёрдым голосом.

– Я? А вы кто? – отвечает вопросом на вопрос.

Сглатываю.

– Я здесь живу. А вот вас тут вижу впервые. И мне интересно, зачем так трясти забор? Он и так старенький, еле стоит, – выдаю претензию.

Я молодец, да?

– Так и я тут живу и вас вижу впервые, – отвечает мужик.

– А вот не надо врать, – фыркаю. – И руки от моего забора прочь, – грожу пальцем.

Усмехается. Но руки действительно убирает.

Я, удовлетворившись результатом своих действий, беру тачку и тяну её к грядкам. Скидываю из неё в первую грядку землю и вздыхаю. Придётся изрядно попотеть, потому что такой объём моя тачка даже за десять раз не покроет.

И я обречённо, понимая это, плетусь обратно на лужок. Не знаю, за какой раз, но везти тачку становится вообще невы-

носимо. Мои силы иссякли, и я, кое-как затянув её во двор, начинаю разглядывать.

– Ах ты ж зараза, – пинаю по сдувшемуся колесу.

Теперь понятно, почему она еле едет.

Ощупываю и понимаю, что у меня даже накачать колесо нечем. Единственный велосипедный насос был, и тот сломался миллион лет назад, когда я ещё подростком была. Потом пацаны помогали, если вдруг что.

Оглядываюсь на соседский забор. Мужика не видно.

Потом смотрю на свои грядки, которые хотела сегодня засеять. И, вздохнув, делать нечего – пойду просить помощь. А сама себе даю наказ: заказать или купить в ближайшее время насос.

Подхожу к забору, встаю на носочки и пытаюсь найти мужика.

– Эй, где же ты, чёрт бородатый, – бубню себе под нос.

– Это кто ещё чёрт? – доносится голос откуда-то со стороны, но снизу.

Опускаю глаза и вижу его, стоящего на коленях с инструментом перед скважиной. А я и не знала про нее...

Упс!

– Эм, – сглатываю. Неудобно-то как получилось. – Хотела спросить.

– Спрашивай, – выдаёт, явно перейдя на «ты». А сам продолжает что-то крутить.

– У вас есть насос?

Поднимает на меня взгляд.

– У тачки колесо сдулось, не едет, – объясняю, поджав губы.

Когда тебя обзывают чёртом, можно в ответ и не захотеть помочь, да? И он будет прав. Держи свой язык за зубами, Ася. Как скажу, так и попадаю в цель. В не очень хорошем смысле. Вот как сейчас.

– Насос, – задумывается. – Сейчас найдём, – и поднимается на ноги.

Идёт к дому. А я так и стою на носках, пялюсь на удаляющуюся спину. Ну, надо признать, не только на спину. Там ещё и кое-что другое привлекает взгляд.

Понимая, что слишком долго пялюсь, опускаю взгляд и отхожу от забора. От греха подальше. Прикладываю ладошки к щекам. А они пылают.

Давно я не видела таких больших мужиков. В нормальном смысле – больших. Высоких, габаритных таких. И при этом в шикарной форме. Ну, не то чтобы в шикарной. Я же его голым не видела. А так, визуально, вполне себе подтянутый. Без привычного пуза. А это сейчас редкость. По крайней мере, мне так кажется.

Ася, угомони свой внутренний голос, он слишком много тараторит! – делаю мысленное замечание. И помогает. В голове становится тихо.

– Где больной? – раздаётся мужской голос над ухом. Я от неожиданности отшатываюсь от забора ещё дальше.

Оборачиваюсь.

– Вон там, – показываю на грустно стоящую тачку у дома.

И не успеваю моргнуть глазом, как эта громадина перемахивает через забор с лёгкостью балеруна. Вот серьёзно! И откуда в таком сильном теле такая воздушность? Даже завидно стало.

И пока я всё это думаю, он уверенно шагает к тачке. Иду за ним.

– Куда выгрузить? – спрашивает, положив насос в тачку на кучу с землей.

– Вон туда, – показываю в сторону грядок.

Он подхватывает тачку за ручки и, толкнув, останавливается.

– Женщина, ты с ума сошла?

Я обалдеваю от такого обращения, открываю рот и снова закрываю, так и не найдя достойного ответа.

– Такая тяжесть, – хмурит брови.

И везёт землю к грядкам. Переворачивает содержимое в ту, куда я уже успела навозить.

Приседает у колеса. Защёлкивает на ниппеле зажим и начинает качать воздух.

Раз-два... колесо оживает. А я залипаю на мужских руках, увитых венами. И так красиво, что не сразу понимаю: колесо уже накачено, и мужик закручивает колпачок. Ещё раз ошупывает шину.

– Принимай работу, – хмыкает, подняв на меня взгляд.

А что её принимать? Подхожу. Пинаю слегка носком галоши и киваю.

– Спасибо.

– На здоровье, – и направляется к калитке.

Открывает её без труда и так же закрывает. Заходит к себе во двор.

Надо же, какие мы. Вошли в окно, вышли через дверь. Но за колесо спасибо, так уж и быть.

Смотрю я на тачку и на грядки. Ну и что мне делать? Почему вдруг во мне проснулись сомнения после слов мужика про тяжести? Кого и когда это останавливало? Кто, если не я, да? Не могу же я всё время пользоваться услугами пацанов, чтобы они помогали. Моя сумасшедшая голова с фантазиями огородно-строительного типа никого не возбуждает. Бесплатно – тем более. А если постоянно нанимать квалифицированного рабочего – так я не выберусь из долгов. Ну и проще тогда выкрасть мужика и взять его в рабство. Пожизненное как минимум. А это у нас в стране не приветствуется, противозаконно как бы.

Берусь за тачку и продолжаю делать то, что задумала. Не могу я оставить всё на потом, когда-нибудь. Особенно когда загорелась идеей. И, сунув лопату в тачку, потопала по наторенному пути. Накопала полную земли и снова толкаю её к грядкам.

– Неугомонная женщина, – доносится до слуха.

Пара мгновений – и меня оттесняют в сторону, перехватывая тачку.

– Сколько надо ещё? – рычит в мою сторону.

– Много, – отвечаю, удивлённо вкапываясь, не зная, что делать дальше.

Не люблю, когда мне мешают. А он мешает. Вот кто просил его влезать в мои дела? У меня, между прочим, всё по плану. Было. До него!

– Присядь, выдохни, – говорит так, будто команды отдаёт.

И ноги несут меня к дому. Почему этот тон хочется слушаться? Тряхнула головой. Наваждение какое-то.

Приземляюсь на ступеньку крыльца, подпираю голову руками и смотрю, как мужик с моей тачкой туда-сюда. И, кажется, даже не устал.

Долго сидеть на месте без дела я не могу. Шило в одном месте, как говорила бабуля. Поэтому иду в теплицу. Поливаю, пропалываю. Любуюсь на зародыши огурчиков. Скоро пойдут, можно будет попробовать засолить пару баночек. И направляюсь в дом, чтобы включить чайник. Наверное, мужика этого надо будет чаем хоть угостить. Всё-таки помогает.

Заканчиваю с бутербродами, выхожу на крыльцо.

– Принимай работу, хозяйка.

Стоит у крыльца.

Тачка рядом, пустая.

– Уже? – удивляюсь.

– А чего там копошиться? – хмыкает.

И я иду к грядкам. И радуюсь про себя. Потому что вот, моя мечта сбылась. Мои две грядочки. Готовенькие. Можно сажать всякие травки.

– Спасибо, – говорю, повернувшись к мужику. – Хотите чай? – спрашиваю его. На радостях я бы и не чаем его напоила. Накормила бы... да было бы чем. С этими делами я ничего не приготовила.

Он, спрятав руки в карманы брюк, таких же по цвету, как и футболка, чуть сводит брови и смотрит на меня.

– Хочу.

– Тогда вон за стол присаживайтесь, я сейчас всё органирую. У меня всё готово, – а у самой сердце в пятки упрыгало. От волнения.

Я сто лет не принимала гостей мужского пола. Кир и его пацаны не в счёт. Они мне как братишки. А вот настоящих мужчин тут нога не ступала. Да и вообще, в моей жизни, кажется, тоже.

Выношу тарелку с бутербродами. Потом бегу за чашками, заварником и чайником. Разливаю по кружкам чай и наконец сажусь.

– А, ой, – снова подскакиваю.

– Чего?

– Забыла сладенькое, – натягиваю улыбку и снова бегу в дом.

Где-то тут была банка варенья с прошлого года, правда. Но она вполне себе ещё хорошая. Клубники было много. И я часть сварила, часть закинула в морозилку.

– Вот она, – хватаю баночку и несусь обратно.

Ставлю на стол.

Сидим, молча пьём чай. Мужик уже два бутера в себя за-толкал. Я же не могу есть в присутствии чужого человека. В горло не лезет.

– А мы с вами так и не познакомились, – нарушаю тишину.

– Меня Ася зовут.

– Александр, – представляется.

Киваю. И, пожав плечами, снова замолкаю.

Не разговорчивый этот Александр. Доедает мои бутеры и, допив чай, поднимается из-за стола.

– Благодарствую, – говорит. – И больше тяжести не тягай... те, – зачем-то добавляет и уходит.

М-да.

Вздыхаю.

Вот и познакомились. Александр. Тяжести не тягай. А ты забор не трогай. Вот. Забыла сказать.

Убрал со стола, иду к себе.

Сажусь за работу. Нужно кое-что по мелочи доделать. А уж потом иду в душ, который гордо стоит на улице. Его бы тоже подремонтировать. А то боюсь в ближайший сильный ветер его унесет.

Вода чудесная. Ополаскиваюсь и понимаю, что забыла чистые вещи прихватить с собой – только полотенце схватила. Закутываюсь в него, делать нечего, и шагаю к дому.

– Ай, – шиплю, уколовшись крапивой. – Скосила же всё, – фыркаю.

Да, кажется, не всё. Или меня отвлекли. Или я отвлеклась сама. Но тут пятачок не скошен. Не забыть бы завтра с утра докосить.

Обернувшись назад, только сейчас понимаю, что с этого места хорошо просматривается соседское крыльцо. И на нём стоит мужик. В темноте виден кончик тлеющей сигареты.

А я тут почти в неглиже.

– Ой, – подрываюсь с места и несусь в дом.

Как же было хорошо, когда там никого не было. Ещё в прошлом году участок был заросшим и никому не нужным. А теперь – вон. Никакого уединения.

Вздох.

Иду в спальню, падаю звездой на кровать и закрываю глаза. Всё тело болит. И это хорошо. Значит, поработала эффективно. Тут никакого фитнеса не надо. Тренажёрный двор в моём распоряжении. Хочешь – копай, хочешь – приседай,

пока пропалываешь, хочешь – наклоны в разные стороны. В общем, фигура моя от любимых сладостей не страдает.

И стоит мне только мысленно улететь в дворовые страсти, как вспоминаю, что у меня теперь по соседству мужик обитает. Кто он там, я не знаю. Рабочий или хозяин, что, мне кажется, не вписывается в общую картину самого дома. Вскрываю с постели и бегу закрывать входную дверь на крючок. Мало ли, может, вообще маньяк.

Глава 3.

Несанкционированные гости

Ася

Восемь на часах. Я уже полчаса валяюсь в постели и не тороплюсь выползать. На улице всю светит солнце. Даже темные шторы не помогают. Надо ещё и роллы повесить на окна. Одним цельным полотном. Может, немного приглушит эту яркость.

Всё же надо подниматься. Дел полно. И большая их часть делается своими руками. Никакого найма.

На завтрак завариваю себе кашу. Овсянка. Только её и люблю. А может, потому что только она у меня и получается. Быстрого приготовления. Засыпать в кипящее молоко, поварить две-три минуты – и всё готово. Сверху кидаю кусочек сливочного масла, свежей клубники кусочками. И можно набираться энергии на первую половину дня. А дальше видно будет.

После плотного завтрака хочется не работать, а снова спать. Но у меня там крапива развелась. Нужно остатки полчища уложить. Поэтому одеваюсь в свой любимый комбез, натягиваю бандану, галоши и выхожу во двор.

В небольшом сарайчике, который тоже требует или сноса, или капитального ремонта, стоит мой друг. Бензотриммер. Небольшой, не тяжёлый. И с ним я управляюсь на раз-два. Научилась менять свечу. Хорошие люди подсказали. Леску заправить – так это и дурак справится. Поэтому быстро проверяю его и, нацепив защитные очки на нос, иду на задний двор.

Дёргаю за шнур стартера. И с третьего раза триммер заводится. Подгазовываю немного – и поехали.

Крапива побеждена спустя пару минут. И, недолго думая, раз я вся такая заряженная на работу, продолжаю косить всё, что мешается тут.

Сама от себя не ожидала такой работоспособности. Спустя двадцать минут бензин заканчивается, да и трава тоже. Присаживаюсь на полено, стягиваю очки и выдыхаю, отирая пот со лба.

– Бензопилой тоже управляешь? – доносится со стороны соседского забора мужской голос.

Поднимаю взгляд. Стоит Александр на крыльце, с кружкой в руках. Опирается о перила своего крыльца и смотрит на меня.

– А что? – прищуриваюсь.

– Не женское это дело, – пожимает плечами и делает глоток из чашки.

Эх, попить бы сейчас.

– А что женское, по-вашему? – не могу я ему «тыкать». Он

же явно старше, вон, дядька какой. – Варить борщи, стирать носки, детей рожать-растить? – вздёргиваю бровь.

Меня эти шовинистические темы цепляют. И я могу так втянуться в разговор, что собеседнику мало не покажется. В общем, не умею я лишний раз тормозить свой язык.

Хмыкает, чуть ухмыльнувшись. Надо же, думает, что ответить?

– Женское – это радовать взгляд мужчины. Женственность в первую очередь. Баба-мужик – не то чтобы хотелось увидеть с собой в постели.

– Так и не пускайте абы кого в свою кроватушку, – качаю головой. – Чтобы не впечатляться. И вообще, это выбор каждого.

– Что именно? – склоняет голову набок и откровенно надомной посмеивается.

– Жизненный путь.

– М, – снова хмыкает. – А может, это всего лишь комплексы?

Так, куда-то не туда идёт этот разговор. Мне вот вообще не до разговоров. Ещё сажать лук, салат, что там я ещё купила?

– Это уже не моё дело, комплексы у вас или нет, – отрезаю. Мужик давится своим напитком из кружки.

– Постучала бы, да далеко идти, – бубню себе под нос и иду в сарай.

После того как триммер стоит на своём законном месте, иду в дом. Наливаю стакан воды и выпиваю залпом. Жара уже порядком поднадоела. Нужно немного и дождя. А то ежедневный полив тоже выматывает.

Иду открывать теплицу. Совсем вылетело из головы. Проверяю свои огурчики. Картина радует глаз. Затем беру семена и иду сажать.

Лук тыкаю в землю, после того как прочертила прямые линии. Всё же должно быть ровненько и красивенько. Затем сею укропчик. Салатик тоже следом сею. А потом берусь за полив. И кажется, по итогу довольная, как слон.

После проделанной работы иду в дом. Завариваю себе кофе, делаю пару бутербродов и иду в сад. Только хочу расслабиться, как из-за соседского забора раздаётся уже знакомый мужской голос.

– Кота своего забери, – я вздрагиваю.

Поворачиваю голову и вижу Александра по ту сторону забора.

– Это вы мне? – кричу в ответ.

– А кому? И сделай так, чтобы он ко мне в дом не залезал.

А то...

– У меня нет кота, – возмущённо ставлю чашку на стол.

– А он об этом знает? – усмехается.

– Кто? – не въезжаю.

– Кот.

– Нет у меня кота. И не было.

– Ну-ну, – качает головой и уходит.

Я же иду в дом. Мне нужна конфета. А то портят тут настроение всякие. Поднимаюсь на крыльцо. Вхожу в дом. Пара шагов в сторону кухни – и оттуда с диким ревом «Миа-у-у» вылетает нечто огромное. И чуть не сбивает меня с ног, вылетает на улицу.

Взвизгнув, вжимаюсь в стену. И пытаюсь отдышаться, когда всё затихает.

Что это такое сейчас было? Кот? Тот самый, о котором говорил Александр?

Выхожу на крыльцо.

– Кыс-кыс, – зову тихонечко.

Оглядываю двор. Куда он убежал? Сажусь на ступеньку и кискискаю.

Нет, я сама вот недавно думала про то, чтобы завести кота. А он сам пришёл? Надо его чем-нибудь приманить. Должно же что-то съедобное быть у меня в холодильнике.

Иду в дом. Нахожу кусочек сыра в холодильнике. И возвращаюсь обратно.

– Кыс-кыс, – зову снова.

Из-под кустов слышится шорох и показывается кошачья морда. В глазах страх и недоверие. Вернее, в одном глазу. Второй глаз у кота закрыт.

Так... ещё и больной?

Ну конечно, Ася. А что ты ещё можешь? Только спасать. Одного вон спасала-спасала, и чем он отплатил? Ай, даже

вспоминать не хочется. Тётку вон тоже всё спасаю и спасаю... а она? Теперь время спасать кота?

– Ну чё смотришь? Иди, поешь что ли? Останешься – куплю тебе чего-нибудь кошачьего, – разговариваю с ним.

Кот, мешкая, всё же выходит из своего укрытия. И, подойдя к крыльцу, нюхает сыр, который я положила на нижнюю ступеньку. Облизнулся, сморщил морду и, вернувшись к кустам, сунул в него голову и тут же вытащил что-то.

В зубах сосиска. Самая натуральная сосиска. Подходит, кладёт на ступеньку и смотрит на меня.

– О, да ты добытчик?

– Мыр, – облизывается.

– Ну, будем знакомы, господин Мыр, – усмехаюсь я.

Остаток дня провожу за работой дома, за ноутбуком. Навалилось, надо разгрести. Пару раз созваниваюсь с Семеном Михайловичем, уточняю даты поставок. В общем, как окунулась в дела, так и выгребла только к девяти вечера.

Желудок жалобно подал сигналы бедствия.

Я снова ничего толкового не приготовила. А есть хочется.

В итоге решаюсь обойтись яичницей. Надо все же завтра попробовать выехать в город за продуктами. На ком бы только... еще и к тетке заехать нужно.

Есть на свежем воздухе вошло уже в привычку. Выхожу с тарелкой на крыльцо. К столу в сад идти не хочется, а вот

здесь расположиться – самое то.

Кот ушел, оставив сосиску на ступеньке.

Сижу, ем и улыбаюсь. Надо же, ведь спер для себя, а оставил мне. Даже животное меня хочет накормить.

Вздыхаю.

На соседском крыльце замечаю соседа. Снова стоит, курит. Неужели действительно хозяин дома?

Снова вздыхаю.

Мне кажется, он меня видит, но мы старательно делаем вид, что друг друга не замечаем.

А меня так и зудит спросить по поводу поездки. Может, ему завтра куда-то нужно?

– Кхм, – прочищаю горло. – Александр, – повышаю голос, привлекая к себе внимание. – А вам завтра в город не нужно, случаем?

Поднимает на меня взгляд, чуть прищурившись.

Молчит, будто думает, что мне ответить.

– Допустим.

Нет, ну что за человек.

– Так да или нет? Как я должна на ваше «допустим» строить дальше диалог? – возмущаюсь.

– Скажи, что нужно, без этих подкатов.

Вот же душнила.

– Хорошо. Мне нужно в город за продуктами, вы не могли бы меня подвезти? – выдаю это не как просьбу, а как констатацию факта. Ну не люблю я просить, когда вот в таком тоне

со мной разговаривают.

– Во сколько?

– С утра, – прикидываю, надо будет еще к тетке зайти, провести. Ей нужны лекарства.

– Только в один конец, – чуть подумав, отвечает.

Обидно, но хоть так.

– Хорошо.

– Тогда в восемь, – тушит окурок и уходит.

Восемь так восемь.

Полночи я кручусь-верчусь, путаясь в одеяле. Мне становится жарко, и в итоге сон выдается не самым лучшим. И конечно же, по закону подлости засыпаю крепко под самое утро. Да так, что подскакиваю лишь от того, что в окно стучат.

Кто? Как?

Первые мысли в голове. Потом кое-как выпутавшись из постели, подбегаю к окну. Распахиваю створки.

– Твою же мать, Ася, – потирает затылок, по которому припечатала одна из них.

– А нечего отираться у окон одиноких девушек, – выдаю возмущенно.

– Тогда, одинокая, собирайся быстрее, если карета еще нужна, или ты воспользуешься своей метлой? – уставляется на меня, предварительно отойдя на пару шагов.

Под таким взглядом, становится холодно в моей пижамной майке и я прикрываю руками грудь.

– Я предпочитаю ступу, – хмыкаю, – но она в ремонте. Сейчас выйду, – ловлю его усмешку и закрываю окно, задерживая шторой.

Еще не хватало, чтобы подглядывал за мной. Что еще можно ожидать от мужика?

Мне хватило десяти минут, а точнее я уложилась в семь. На улице обещают снова жару. Поэтому на мне сегодня шорты длиной до середины бедра, майка, бандана, а на ногах сандалии. И шопер, в котором еще один такой же. Я планирую закупить немного съестного на рынке, затем зайти в аптеку, а вот после тетки уже как-то добираться обратно.

Выйдя со двора и заперев калитку, подхожу к машине соседа. Большой джип. Не разбираюсь в марках авто, но этот выглядит внушительно – под стать самому дяденьке.

Открыв дверь, забираюсь внутрь, на переднее пассажирское. И только сев, понимаю, что надо было бы лучше назад. Потому что стоило только устроиться, как мужик, хмыкнув, скользит взглядом по моим голым коленкам.

Сердце подскакивает куда-то к горлу. Но я давлю в себе приступ паники. Ну что он мне сделает? Высадит в поле? Он ведь всем своим видом показывал эти дни, что я ему не интересна. Да и вообще, с какого я вдруг решила, что могу быть интересной?

Мы медленно отъезжаем от дома, и машина плавно катит

по деревенской дороге. В салоне никаких лишних шумов. Вот это шумоизоляция!

До города ехать примерно час. И все это время мы молчим. Я правда пару раз порывалась завязать разговор – не умею я долго молчать, меня как прорывает. Но не тут-то было: мне всем своим видом явно дали понять – разговоры лишние. И я, прикусив язык, замолчала.

– Меня можно вот тут высадить, – нарушаю надоевшую до чертиков тишину и решаюсь выйти пораньше, за пару остановок до рынка. Пройдусь лучше.

Александр останавливает машину.

– Благодарю, – говорю, дергаю за ручку дверь и выпрыгиваю наружу, тут же захлопывая ее, не дожидаясь ответа.

И, поправив волосы да майку, зашагала по тротуару в сторону продуктового рынка. Машина не сразу поехала дальше: лишь через минуту меня нагнала и свернула на ближайшем перекрестке.

Мне очень хотелось вслед показать ему язык. Ну потому что невозможный человек.

За час, находившись между рядами, накупив себе мяса, курочку, сарделек, сыра, творога и прочих вкусностей, да для окота корм, я, на перевес с двумя сумками, пошагала к дому тетушки. По пути зашла в аптеку, купила выписанных ей психиатром препаратов на внушительную для меня сумму.

И пошла к ней домой.

– Аська, – открыла мне дверь.

Уже хорошо.

Ставлю сумку в коридоре, закрываю за собой дверь. Оглядываюсь вокруг. Вроде чисто и нет лишних запахов. Я уже не знаю, чего от нее ждать.

– Чего приперлась? – стоит, подперев плечом дверной косяк, сложив руки на груди. Смотрит на меня исподлобья. Ничего не меняется.

– Лекарства привезла, – подаю ей пакет с таблетками.

– Санитаров не вызвала? А то с тебя станется, – фыркает, но пакет забирает.

И взгляд переводит на мои сумки.

Ну уж нет. Я и так потратилась, а она ни копейки не отстегивает. Я не дочь миллионера, сама еле концы с концами свожу со своими нуждами, а тут еще и траты на лекарства и врачей для тетки.

Никак не комментирую это. Снимаю сандалии и прохожу в квартиру. Надо проверить, все ли в порядке. И, просмотрев все, убеждаюсь, что можно уходить.

– И не мечтай, не отпишу тебе ее, – прилетает в спину.

– Ухожу, – подхватываю сумки и выхожу из квартиры.

И так каждый раз – одно и то же. Не знаю, что у нее там в голове случилось, но после первого приступа она изменилась так, что я со слезами несколько раз убегала из квартиры. А ведь мы жили нормально под одной крышей. Да и бог с ней.

Лишь бы не спалила квартиру.

С сумками на перевес иду на остановку, от которой обычно в это время идет автобус к нам в деревню. Но не заезжает в саму деревню – высаживает на бетонке. И мне везет: доезжаю почти с ветерком, народу мало, и я успеваю немного отдохнуть.

А вот потом еще топать и топать через поля по грунтовой дороге. Но мне снова везет: в деревню едет грузовая «газель», и меня подвозят почти до дома.

Войдя к себе, замечаю, что сосед еще не вернулся. Да и черт с ним. Прохожу в дом, разбираю покупки и понимаю, что сарделек моих нет.

– Вот же старая карга, – злюсь на тетку. – И когда только успела скоммуниздить?

Пока кручусь-верчусь в домашних делах, пока готовлю себе легкий куриный супчик, уже время вечер. Вспоминаю про теплицу и огурчики, которые должны подойти. Иду, довольная, с предвкушением, что сейчас сорву свой первый огурец. И...

– А... – зависаю, разглядывая два надкусанных огурца, так и оставшихся висеть.

Так еще и маленьких почти не осталось.

Это кто такой бессмертный, а?

Глава 4. Все по плану

Александр

Все по плану? Да ни черта! Начиная с того, что строители накосячили в санузле и мне его приходится переделывать, заканчивая вздорной, но симпатичной соседкой. Я уже молчу про остальные проблемы. И их нужно решать в ближайшее время, иначе... Иначе нахрена я увольнялся со службы? Правильно! Пенсия. Размеренная, спокойная жизнь. Но в первую очередь – забрать пацана к себе. А это еще тот геморрой. И я уже в него влез с головой. Но оставить племяша в казенном учреждении не могу.

Когда приехал Рус, я впервые, наверное, за последний десяток лет смог выговориться.

– Ну, благородное дело, паренька забрать, – поддакивает он, потирая заросший подбородок. – А чего сестра-то?

– Да черт знает, – отмахиваюсь. – Как с катушек слетела. Под сорокет бабе, а мозгов не обрела, утекли будто еще больше.

Машка. И этим все сказано. Кукушка. Младшая, любимая, поздняя. Всю жопу ей зализали родители. А итог какой? До тридцати двух гуляла, мужиков меняла. Потом родился Гришка. Думали, одумается. Посвятит себя ребенку. А нет. Не посвятила. Пока родители живы были приглядывали за

ней. А не стало и понеслось по новой.

– Совсем отказалась? – брови Руса взлетели вверх.

Киваю.

– Во бабы пошли.

– Забрали Гришку. Соседи кипишь подняли, меня нашли.

Пока вернулся из командировки, пока уволился. Я сам пацана-то видел от силы три раза. Сам понимаешь. Школа эта, приемных родителей, потом сбор документов. Осталось показать жилье – и дадут забрать. Пока, как сказали, для знакомства, на выходные. А привыкнет – то насовсем. В общем, – хлопаю в ладоши, – давай шашлычка, а? А то уж совсем грустно.

– Но ты крут, мужик. Взять на себя такую ответственность.

– Не говори. Я ума не приложу, как с детьми общаться. Одно радует: пацан, а не девчонка. Чтобы я с барышней делал?

– Жениться тебе пора.

– Сказал мне заядлый холостяк, – хмыкаю.

– Моя барышня еще не родилась, а когда подрастет, так я передд совсем буду. Нет уж. Как-нибудь докоротают свой век.

– Вот загнул, – смеемся.

Шашлык, квас, свежий воздух и тишина деревенская. Красота.

– Девушка тут интересная с тобой по соседству живет, –

смотрит в сторону соседского забора.

– Не видел.

– А ты посмотри. С пацаненком тебе помощь нужна будет. Ему мать как никак по возрасту положена. А тебе жена.

– Ага, где положена? Там нет.

– Чудак-человек, – вздыхает. – Жил бы тут я, обязательно прицелился бы к ней. Но... не живу, поэтому не тяни резину, – хмыкает.

– Не опошляй.

– Да брось, даже не думал.

Не думал он. Ладно, разберемся. Нужно будет, найдем и мать пацану. Как-нибудь, в безобидной форме, без посягательства на личные границы.

А вот уже когда Рус умотал – жаль, что быстро, – я познакомился с соседкой. Интересная особа. А главное, не это. Главное, что рукастая. Все сама. Мужика нет, и по взгляду понимаю, что не предвидится. Я не претендую. Хотя глаз то и дело ловит ее за забором: то в полотенце бежит из душа, то траву косит триммером.

Баба!

Бензиновым триммером косит траву!

То с шуруповертом крутит доски, а тачка с землей под завязку! Я в шоке. Немом. Хотя материться хочется. Но не при бабе ведь.

А теперь вот вези ее в город. Да мне по пути. Еду забирать Гришку. На первые выходные. Будем присматриваться друг

к другу.

Договорились же, что в восемь выезжаем. А нет ее. Поэтому решаю идти будить. Дрыхнет же. И оказываюсь прав. Всполошилась после моего стука в окно. Вся такая... Охренительная. Кто бы мог подумать, что со сна зубастая бабенка будет такой притягательной.

А шорты эти! Всю дорогу пытался пялиться на дорогу, а не на нее. Нет, так дело дальше не пойдет. Надо бы что-то придумать. А то так с ума сойти можно. Ручной привод надолго не спасет. Нужна женщина. Как сказал Рус – жена? Нет, не хочу. А вот для здоровья надо бы заморочиться. Потом.

Поэтому высаживаю ее и не могу тронуться с места. Потому что пялюсь на ее аппетитную задницу. Хорошенькую такую. Обтянутую тканью шорт. Все. Пока пар из ушей не повалил, пора к пацану.

Детдом в трех часах езды, в областном городе.

– Да-а-а, – тянет женщина в костюме.

Директриса. Ирина Семеновна. Лет сорока пяти. Взгляд острый, цепкий, наглый. Не женщина, а аллигатор в юбке.

– Что не так?

– Далеко в глубинке спрятались. К вам опека должна приехать, как доберутся? – морщит нос.

– Это уже их проблемы.

– Может все затянуться... – звучит как-то размыто.

– Разберемся.

– Тогда, – поднимает на меня взгляд своих темных глаз и смотрит сквозь стекла очков, – тогда забирайте. В понедельник утром привезете.

– Спасибо, – поднимаюсь со стула.

– Вам его сейчас выведут, – доносится в спину.

Выхожу из ее кабинета, иду по коридору в холл. Пока брожу, разглядываю рисунки, стенды, время идет чуть быстрее. Слышатся шаги.

– Кто за Дубравиным? – женский голос.

Оборачиваюсь. Стоит женщина в пожилом возрасте. Седые волосы собраны в пучок, в белом халате.

– Я.

– Беги, Гриша, за тобой, – подталкивает пацаненка, что стоит рядом.

Смотрит на меня исподлобья. Не помнит.

– Привет, Григорий, – подхожу к нему и присаживаюсь на корточки. – Я твой дядя, твоей мамы брат. Не помнишь меня?

Качает головой.

– Ладно, исправим это. Будем вместе вспоминать. Поехали, покатаемся на машине? – протягиваю ему руку.

Оглядывается на женщину.

– Иди-иди, Гриша, – кивает она ему одобрительно.

– До свидания, – прощается с ней и вкладывает свою ла-

дошку в мою.

Сердце мое дрогнуло. Жалко пацана. Но ничего, исправим все.

Усадив пацана на заднее сиденье и подложив под него свою куртку, пристёгиваю его ремнём безопасности. Только сейчас понимаю, что нужно было прикупить детское автомобильное кресло.

Сев за руль, ищу через интернет ближайший магазин и, найдя его, еду туда.

– А как тебя зовут? – спрашивает мальчишка.

– Александр.

– А как мне тебя называть?

– Дядя Саша.

Замолкает. Но ненадолго.

– А можно, батя? – вдруг спрашивает.

– Почему батя? – не понимаю.

– Потому что у меня никогда не было бати. Мамка просто сказала, что она не знает от кого я, – пожимает плечами. – А пацаны ржут надо мной. А я им говорил, что есть. Я буду тобой хвастаться.

– Ты там ненадолго, заберу скоро, как будут готовы документы.

– Всё равно.

– Хорошо, – соглашаюсь.

Пацанчика беру с собой в магазин.

– А это что за магазин? – спрашивает он, держа меня за руку, разглядывая все вокруг.

– Тут продают разное для детей.

– И для меня? – спрашивает с сомнением в голосе.

– И для тебя, – соглашаюсь.

– А что мы там купим?

– Кресло в машину. Будешь как большой сидеть спереди, если захочешь.

– А я захочу, – говорит важно.

– Значит, так и сделаем.

В магазине покупаем кресло. Гришка, кажется, доволен. Я отвлекаюсь на шмотки, меня консультирует девушка. В итоге помимо кресла на кассе оказывается ещё гора детских вещей – начиная от трусов и заканчивая ветровкой и резиновыми сапогами. И пока я расплачиваюсь, Гришка отвлекается на игрушки. Ищу среди полок, но он уже прибрал несколько коробок и тащит их к кассе.

– Вот это мне надо, – показывает мне.

В одной – большой автомат с пульками-присосками, во второй – робот с какими-то супер-пупер функциями.

Стою, смотрю на всё это великолепие и размышляю, как отказать.

– Ну чё, хорошее, да? – смотрит на меня довольной физиономией.

– Гриш, так поступать неправильно, – начинаю я. – И об этом мы с тобой поговорим. А для начала выбери что-то од-

но из двух.

– Нет, мне всё это нужно, – упирается и поджимает губы так, что я сразу вспоминаю сестру – мелкую.

– Нет, Гриша. Или ты берёшь что-то одно, или оставляешь всё здесь.

Пацан, нахмурившись, кидает взгляд на свою добычу и отказывается от робота. Выбор меня не удивляет. Сам бы так в его возрасте поступил. А вот сейчас...

– Хорошо, мы это берём, – киваю продавцу.

И с покупками идём к машине.

Как и договаривались, устанавливаю сиденье на переднем пассажирском. Усаживаю племянника в него, пристёгиваю.

Коробку с автоматом хочу убрать в багажник.

– Нет-нет, дай мне, – тянет руки и стучит ногами. – Хочу сюда.

Приходится распаковать игрушку и отдать ему.

– Пули получишь дома. Чтобы мне тут не устроил стрельбу, – вручаю ему автомат и, наконец, закрыв дверь, иду за руль.

Ехать долго. Пару раз останавливаемся, чтобы справить нужду.

– Писать хочу, – снова вздыхает.

– Ты чего напился, что почти каждые десять километров просишься? Или болеешь? – мне про здоровье племянника ничего не сказали, а я и не узнал. Как-то не подумал.

– Компот давали. И я выпил. Свой, ещё два стакана паца-

нов, они не захотели. Потом ещё просил у нянечки.

– Итого?

– Что?

– Сколько в итоге ты выпил стаканов?

Пожимает плечами.

Понятно.

Снова останавливаемся.

Недалеко от районного города нас останавливает патруль.

– Предъявите документы, – представившись, просит старший инспектор. – С охраной вы? – смотрит на пацана, который, обняв автомат, уснул, улыбнулся.

– Вымотался, – усмехаюсь. – Очень сильно охранял.

– Счастливого пути, – возвращает документы.

В деревню возвращаемся почти в девять. Уже смеркается.

Гришка проснулся и хлопает глазами, разглядывая пейзажи.

Въезжаем на территорию участка. Замечаю, что в окнах соседки горит свет – значит, вернулась.

– Давай, выходи, – отстёгиваю Гришку, и тот, схватив свой автомат, идёт к дому. Я же, прихватив все пакеты, тороплюсь за ним.

– Ого, – входит внутрь, я захожу следом, ставлю пакеты на пол. Всё это ещё предстоит разобрать. А я уже выжат как лимон. – Какой домина.

Проходит в ботинках.

– Григорий, разуваться и мыть руки, – командую.

Тот морщит нос и скидывает свои сандалии.

– Пойдём, покажу, где ванная.

После всех процедур идём с ним на кухню.

– Жрать хочу, – сидит на стуле, болтая ногами.

– Не жрать, а есть, – поправляю его.

– А какая разница? – отмахивается.

– Большая. Давай учиться культурно разговаривать.

Фыркает.

На скорую руку готовлю яичницу с помидорами, нарезаю хлеб.

Пока я начинаю есть, пацан уже почти всё смел со своей тарелки.

– Эй, – торможу его. – Медленнее, жуй тщательнее, иначе живот будет болеть.

Молчит и смотрит на меня, жуя. Рот полный.

– Подавишься ещё.

И как назло, словно сглазил, начинает кашлять.

Естественно, всё выплёвывает на стол и краснеет. Глаза наливаются слезами.

Пару раз хлопаю по спине и подаю стакан с водой.

Делает пару глотков.

– Не вкусная, – отставляет воду.

– Ты вообще понял, что произошло?

– Чё?

– Ты набил полный рот, подавился. Так и коньки отдать можно, – пытаюсь донести информацию до пацана.

– У меня их нет, – как ни в чём не бывало отвечает, и я

понимаю, что нихрена не понимаю.

– Хорошо, – выдыхаю, стараясь успокоиться. – Хорошо. Ты ещё есть хочешь?

– Нет, – мотает головой.

– Тогда пойдём, покажу тебе твою комнату, а потом помоем тебя, переоденем и отправим спать.

Показываю комнату, в которой кроме кровати и стола больше ничего нет. Но это пока. На днях приедет доставка и привезёт шкаф для вещей, комод и стеллаж для игрушек. А ещё в планах установить ему спортивный уголок. Но пока я не знаю, нужен ли он ему в таком возрасте. Себя и свои хотелки в шесть лет я не помню.

– Это всё моё? – спрашивает, подойдя к кровати и сев на неё так, что отпружинил на матрасе.

– Да.

– Хорошо, – деловито кивает головой.

А дальше – ещё один квест. Мыть ребёнка – не мой конёк. Дети вообще не мой конёк.

– Я сам, – закрывает занавески.

Э-э... стою, жду. В ванной льётся вода из душа. Пацан что-то напевает.

– Это можно брать? – спрашивает, показав в руке мой гель для душа.

Чёрт, надо же было ему ещё и шампунь купить.

– Можно.

Ещё минут десять – и он тянет руку за полотенцем.

Укутав его, несу в комнату.

Достаю майку и трусы из пакета с вещами. Отрываю этикетки.

– Надевай.

Одевается и забирается в кровать.

– Туалет знаешь где. Если что – буди меня, моя комната напротив.

– Хорошо.

Выхожу, прикрыв за собой дверь.

Выдыхаю, прислонившись к стене. Так, надо бы и самому ополоснуться.

Наконец добравшись до своей спальни, падаю в постель и закрываю глаза. Выдыхаю, расслабляясь. Но как тут расслабишься, когда в доме появился ребёнок? И да, он не маленький, но я не знаю, чего от него ждать. Как себя с ним вести и что вообще дальше меня ждёт. Но оставить его в детдоме тоже не выход – моя совесть меня будет грызть. А мы своих не бросаем. Поэтому выход тут только один. Перед родителями мне стыдно не будет, да и перед самим собой.

Незаметно для себя проваливаюсь в сон. А просыпаюсь резко, как по щелчку, от звука открываемой двери в комнату.

Нащупываю ночник, щёлкаю, включая тусклый свет.

Мальчишка, держа автомат в руках, щурится, прикрывая глаза рукой.

– Ты чего? – прищулив один глаз, смотрю на пацана.

– Мне страшно, – выдаёт он. – Гремит что-то на улице.

Прислушиваюсь и, услышав раскат грома, понимаю, о чём он.

Не дожидаясь моего ответа, забирается ко мне в постель. Утягивает моё одеяло на себя и, обняв автомат, закрывает глаза.

Я, вздохнув, беру подушку и, достав из шкафа ещё одно одеяло, укладываюсь на пол, на ковёр. Кажется, утром я буду очень жалеть об этом, но другого выхода пока не вижу. Видимо, придётся покупать ещё и раскладушку на такие вот случаи.

– Спокойной ночи, – бубнит детский голос.

– И тебе спокойной, – отзываюсь. Только сна ни в одном глазу.

Слушаю, как начинается за окном дождь, и считаю раскаты грома.

Глава 5. Пират

Ася

Ночка выдалась беспокойной. Гроза была такая, что я боялась: не унесет ли крышу, не сорвет ли чего с сарая, не пострадает ли старенькая банька да душ, который того и гляди сложится. Утром будет страшно выйти на улицу.

А еще в окно кто-то скребется.

А я даже из-под одеяла показываться не хочу. Но ведь звук настойчивый. И я не смогу под него уснуть. Выбираюсь из своего теплого кокона и на цыпочках крадусь к окну. Чуть приоткрываю штору, и в этот момент сверкает молния, освещающая вцепившуюся в оконную раму тушку кота. Происходит это так резко и неожиданно, что я вскрикиваю от страха.

– Твою же за ногу, кошатина! – ругаюсь я и иду к входной двери, открывать, впускать эту пушистую задницу.

Открываю дверь – и тот пулей влетает в дом. Отряхивается в коридоре, как пёс, разбрызгивая воду, и, виляя задом, задрав хвост, направляется в кухню.

Включаю свет. Надо кормить гостя. Беру блюдечко, с которым не жалко распрощаться. Насыпаю ему туда корм, который сегодня прикупила, во второе блюдце наливаю воды. А вот миски для него не купила, а надо было бы.

Кот с любопытством обнюхивает корм и, мяукнув, принимается есть. Одобрил, стало быть. Уже хорошо. Значит, мы

с ним в расчете за принесенную мне сосиску.

Гром грохает так, что свет моргает.

– Всё, выключаю, а то что-то не по себе от такой грозы, – говорю вслух, чтобы слышал кот. – Ляжешь где понравится. – И, щелкнув выключателем, иду к себе.

Засыпаю долго и с беспокойными мыслями.

А утром просыпаюсь и чувствую, как в ногах лежит что-то тяжелое. Приподнимаюсь на локтях.

– Ну здрасте, – морщу нос. Всё же кот уличный, мало ли какой больной. Блохи так точно имеются. – Нашел куда лечь.

Тот приподнимает голову, лениво смотрит на меня, снова закрывает глаз и отворачивается.

– А, сама же сказала «где понравится», поняла, – продолжаю говорить сама с собой.

Дожилась, Ася. С котами беседы ведешь. Вот что значит одинокая жизнь. А эта фраза в голове звучит голосом подружки Вилены. Ну, не всем такие хорошие парни по дороге попадаются. Мне вот не попался. Да и ладно. Вон, целый кот пришел. Вернее, не совсем целый, с одним глазом. Но зато какой! Заботливый!

«Перестань всех спасать», – звучит внутренний голос. А я и не спасаю никого. Меня бы кто спас.

Со вздохом сползаю с постели и плетусь на кухню. Набираю воды в ковшик, беру зубную пасту и щетку, выхожу на улицу.

Дострою я уже когда-нибудь эту пристройку или нет? – вздыхаю, с сожалением глядя на свой недострой. Окна вставить надо, а их для начала заказать бы не помешало. А потом уже внутри утеплять, штукатурить или обшивать доской... я еще не решила. Нужно проконсультироваться у знающих и посчитать, что дешевле выйдет.

Подхожу к уличному умывальнику, плескаю воды. Оглядываюсь по сторонам. Вроде всё на месте. Уже хорошо. А то остаться без летнего душа в разгар сезона было бы обидно. Да и сарай мне еще нужен. Ничего, я всё обязательно здесь обустрою под себя. И будет тут красотишка!

Чищу зубы. Времени не посмотрела сколько.

Умываюсь.

Выпрямляюсь, развожу руки в стороны, вверх, тянусь, вставая на носочки. В позвоночнике приятно тянет и похрустывает. Кайф!

Ветер холодит влажную кожу лица.

И вдруг что-то прилетает мне в спину.

– Ай! – вскрикиваю.

Оглядываюсь.

Что это было?

Тишина. Может, померещилось?

И когда я опускаю взгляд к ногам, вижу на земле какую-то ярко-оранжевую трубочку. Поднимаю ее. Похоже на пульку. Из детских игрушек – видела такие в рекламе по телеку. Откуда тут дети? Или это сосед решил поиграться?

От этой мысли усмехаюсь, потому что вмиг представляю себе грозного большого бородатого дядю с таким автоматом, прячущимся за забором.

– Ахаха! – не сдерживаюсь и закатываюсь смехом.

– Доброе утро, – прилетает с той стороны.

Я тут же затыкаю рот, даваясь воздухом. Да что же всё время так не вовремя-то?

– Кхм-кхм, – откашливаюсь, – доброе. – Нахожу взглядом Александра, стоящего на крыльце.

– Хорошее настроение?

– Ага, – киваю, еле сдерживая улыбку. – Всё целое, устояла перед стихией, – говорю почти правду.

Молчит, сканируя меня взглядом. И, не дожидаясь еще какого-нибудь вопроса, захожу в дом.

Черт, я в этой пижаме как дура, – ловлю свое отражение в зеркале. Рубашка и широкие штаны, белые в красное сердечко. Да и всё равно. Мне так нравится. То-то он на меня и пялился, да?

Позавтракав, на этот раз как обычный человек, а не на улице, выхожу открывать теплицу.

Воздух после дождя чудесный. Свежий, чуть прохладный. Время уже девять, но при этом еще не жарко. Благодать.

Открываю свое сокровище и разглядываю посадки. Огурчики сегодня можно будет еще сорвать. Первые! Надеюсь, их никто не съест. А я ведь так и не поняла, кто разделался с предыдущими. Одно радует, что за ночь оставшиеся огур-

чики еще подросли.

И я снова погружаюсь в свои дела: то работа за ноутбуком, то во дворе навожу порядок. В обед, сидя дома, все же начинаю прицениваться к окнам. И цена меня не радует, а еще ведь и доставка! Кусачее всё. Хоть плачь. Еще на год откладывать не хочется.

Потом снова дела. В сарае немного разобралась – меня чуть не прибили санки, неожиданно порвавшиеся с гвоздя. Старые-старые, кажется, еще на них меня бабушка катала. Потом наткнулась на какой-то хлам из тряпок и бумаг. Пока всё сортировала, что можно сжечь, а что в мусорку, чихала. Мысленно уже хотелось бежать принимать душ: казалось, эта пыль въелась даже в белки глаз.

К вечеру решаю сделать себе на ужин легкий салат из огурцов. Иду к теплице.

– Пуф-пуф-пуф! – слышится звук, и тут же в меня что-то прилетает.

– Ай! – прикрываюсь руками.

– Бежим! – раздается детский голос.

Я открываю глаза и вижу, как из теплицы выбегает мальчишка, а за ним мой кот. Они ныряют в кусты у забора и скрываются из виду.

– А ну стоять! – кричу вслед.

Это что такое было?

Захожу в теплицу, и мои руки опускаются.

Нет, это какой-то сюр!

Откуда тут дети? Почему мой кот играет не на моей стороне? Это же мой одноглазый, да?

Ещё раз кидаю печальный взгляд на то, что осталось от огурцов, и понимаю: не видать мне сегодня салата. Судя по всему, и завтра тоже.

Жаль.

Но разобраться, что происходит и как сюда попал мальчик, надо.

И я иду к кустам.

Вдыхаю.

Надо лезть, да?

И я лезу. Надо же понять, что там в заборе дыра, видимо. Раз мелкий сюда попал.

Куст колется, ветки бьют по лицу. Шиплю.

Приходится опуститься на колени. И вот я упираюсь в забор.

Нет. Тут нет дыры.

Но, не долго думая, я касаюсь одной доски — она легко подаётся, отодвигаю её в сторону. И вот, пожалуйста, лаз.

И что я делаю? Я лезу через эту дыру и оказываюсь на территории противника. Тьфу ты, соседа.

– Кхм, – выползаю я из кустов и натываюсь на ноги.

На мужские ноги в тяжёлых ботинках.

Ему не жарко в такой обуви ходить? Или другой нет?

Поднимаю голову.

– Как интересно, да? – заговариваю первой.

– Вообще-то, это мои слова.

– Ага, помогаю вам, – поднимаюсь на ноги, выпрямляюсь и поправляю волосы.

– Так как это понимать? – складывает этот мистер руки на груди, демонстрируя бицепсы.

Впечатляет, согласна.

– Вот и я хотела спросить – как это понимать? – зеркалю его позу.

Сверлим друг друга взглядами.

– Поясни.

– У вас дети есть? – начинаю я издалека.

– Нет, – даже не моргнув.

– То есть вы хотите сказать, что мне померещилось? – удивлённо вскидываю брови.

– Я не телепат, чтобы понимать, что тебе там померещилось.

Начинаю злиться.

– Мальчик. Вот такого роста, – показываю рукой примерный рост ребёнка. – Выбежал из моей теплицы и через кусты скрылся на вашей территории. С моим котом, между прочим.

– Все вопросы коту? – усмехается.

Он издевается, да?

– К вам. У вас тут ребёнок, и вы его покрываете. А он меня сегодня с утра расстрелял, пока я умывалась. Потом,

пока убегал от меня. И сгрыз не один огурец! Там дыра, вам надо её заделать, – подвожу итог.

Молчит.

– Григорий! – оборачивается мужчина и зовёт кого-то. Какой ещё Григорий?

Из-за дома показывается детская вихрастая макушка.

– Чо?

– Подойди.

Поджав губы, выходит мальчишка.

И мои глаза расширяются, потому что в руках у него мой кот. Тот позволяет себя держать и даже, кажется, чувствует себя прекрасно, пока мальчишка чешет его за ухом. Предатель.

– Ну чо? – хмурится.

– Воровал огурцы? – спрашивает его впрямую.

– Нет, – говорит уверенно.

Я даже не знаю, как возмутиться.

– А барышня утверждает, что воровал.

– Ну чо, жалко ей, что ли? – пацан переводит на меня взгляд. И в этом «чо» звучит не наглость, а какая-то детская тоска.

– Мне не жалко, – влезаю в этот разговор. – Но можно было спросить. И вообще, без разрешения залезть в мой огород! – перевожу взгляд на мужчину. – Воспитание хромает. Тот хмурит брови.

– И верни мне кота. Он мой, – обращаюсь к мальчику.

– Это мой кот. И его зовут Пират.

– Отдай кота, – говорит Александр.

– Ну, батя! – дуется мальчишка.

Батя?

Я вопросительно смотрю на Александра.

– Детей нет? – хмыкаю.

Что? Он сейчас закатил глаза? Серьёзно?

– Пират мой, – воинственно обнимает кота, так что у того, кажется, единственный глаз становится больше.

Пират?

– Хорошо, – сдаюсь. Не воевать же с ребёнком из-за уличного кота. – Заделайте дыру, – тычу пальцем в кусты, откуда выползла я.

И снова к ним подхожу.

Ну и что я собираюсь делать? Уползать? Под пристальным взглядом соседа?

Оборачиваюсь.

На лице замершего Александра играет улыбка.

Мне становится досадно – зачем я вообще ввязалась в этот цирк?

Но я, задрав нос, гордой походкой направляюсь к калитке, чтобы вернуться к себе.

Спотыкаюсь и чуть не падаю.

Ну! И какая тут походка от бедра? Позорище!

В итоге возвращаюсь к себе с пунцовыми щеками и злостью на саму себя.

Выглядела полной идиоткой.

Влезла же и ведь ничего не добилась, кроме собственного позора.

Иду в дом. Наливаю стакан воды и выхожу на крыльцо.

Пью и пялюсь на соседский участок.

Слышатся голоса. А затем я отвлекаюсь на звук приближающейся машины. И судя по звуку, это не легковушка.

Кстати, благодаря стройке соседа я научилась различать по звуку двигателя, какая машина едет: грузовая или легковая. И вот сейчас я уверена, что это грузовая «Газель». Как минимум. И угадываю.

Машина останавливается у соседского забора.

Сигналит.

Допиваю воду и наблюдаю, как Александр идёт к воротам. Выходит. Что-то говорит водителю, кивает и идёт открывать ворота.

«Газель» отъезжает, чтобы совершить манёвр. Собирается сдавать задом.

И медленно начинает сдавать назад.

Я наблюдаю за происходящим.

И замираю, когда понимаю, что машина едет не туда, куда нужно, а чётко на наш злополучный забор.

– Эй, – вскрикиваю и начинаю махать руками. – Эй, стой! – ору уже во всю глотку и хватаюсь за голову, потому что машина въезжает в забор, заваливая его.

Да не просто заваливая одно прясло. Весь забор, как карточный домик, заваливается на мою сторону. Весь!

– А! – ору я от досады.

И сбегая по ступенькам, несусь к остановившейся машине. Водитель вышел.

К нему подошёл Александр. И я, разъярённой фурией, несусь к водителю!

– Ты! – кидаюсь на него, перелетая через упавший забор. – Ты что натворил? Ты где права купил! – ору, колотя его руками.

– Эй, дамочка, – пытается меня оттолкнуть. – Мужик, убери свою женушку, – отстраняет меня от себя.

И меня, как куклу, перехватив за талию и подняв над землёй, оттаскивает Александр.

– Успокойся, – ставит на землю, загораживает водителя собой.

– Ты видел? Ты видел и ничего не сказал! Он сломал забор! Весь! – возмущаюсь.

– Угомонись, женщина! Иначе я сейчас закрою тебе рот другим способом, – угрожает, и я тут же захлопываю рот.

Способ? Какой ещё способ? В голове проносится куча вариантов — от самого невинного до совершенно неприличного. И почему-то от каждого из них у меня внутри всё переворачивается.

– А теперь иди к себе. Я тут разберусь.

– Разберёшься? – вспыхиваю. – Ты? Да ты со своим ре-

бёнком разобраться не можешь! — выдаю я, видя, как взгляд Александра становится нечитаемым. Тёмным, глубоким. Я понимаю, что перегнула. Но поздно.

И тогда я, медленно отступая, резко крутанувшись, срываюсь к себе.

Потому что... потому что совершенно не знаю, каким образом он собрался затыкать мне рот.

От греха подальше.

Глава 6. Женщина-беда

Александр

И что прикажете делать?

Этот вопрос я оставляю открытым, переключаясь на разгрузку коробок с мебелью. Мне ещё предстоит всё собрать. Этим вечером с Гришкой и займёмся.

А вот что делать с забором?

Косяк знатный. И теперь мне его разгребать.

– Распишитесь, – протягивает мне накладную водитель.

– С забором что прикажешь делать? – держу планшет в руках и не тороплюсь чиркать свою закорючку.

– Я не виноват, что у вас тут узко, – выдаёт какую-то чушь.

– Узко? – хмыкаю. Но развивать эту тему нет желания. –

Сочувствую твоему начальству, – ставлю подпись.

Мужик быстро прыгает в кабину и, газуя, укатывает в закат.

Закрываю ворота и оборачиваюсь. Забор рухнул, как дорожка домино. Тихо, без какого-либо предупреждающего треска. Ни скрипа, ни хруста – просто разом лёг на землю.

Подхожу к одному из лежащих столбов. Приседаю. Древесина сгнила. Пресла ещё в хорошем состоянии, иначе потеря обошлась бы частью забора. А так потянуло друг за другом всем составом.

И?

Я не готов вкладываться в строительство забора. Строительство дома и так вытянуло прилично денег из отложенного, которое зарабатывал годами.

Ошибка идиота и минус... сколько? Даже не хочу браться за расчёты.

Печально.

– И? – доносится женский голос.

Поднимаю голову, поднимаюсь на ноги.

Стоит в метрах пяти-семи. Сложила руки на груди. Взгляд воинственный. Бой-баба.

– Что будем делать, Александр?

– А что тут делать? – развожу руками. – Реанимировать, – предлагаю. Хотя сам пока не понимаю как.

– Ваше право, – остаётся серьёзной. В голосе ни капли сочувствия.

– Ася, – делаю шаг к ней, – а пойдёмте попьем чай? – предлагаю.

Её глаза округляются, становясь ещё больше.

Удивил? Сам в шоке. Не ожидал, что ляпну это вслух.

– А как это поможет ситуации? – не сдаётся она.

– Обсудим варианты.

Молчит, поджав губы. Думает?

– А с чем чай? – вдруг спрашивает.

– Найдём что-нибудь, –жимаю плечами.

– Хорошо, давайте. Я сейчас приду, – и важной походкой

идёт к своему дому.

Провожая её взглядом. Спина прямая, шаг уверенный. Невысокая, ладная, а характер...

Когда хлопает дверь, я прихожу в себя.

Чай, да?

И тороплюсь к дому.

На пороге встречает Гришка, держа в руках одноглазого кота. Реально, Пират. Тот сверкает единственным глазом и довольно мурлычет, будто всё происходящее его очень устраивает.

– А чо там?

– ЧП, – прохожу в кухню, включаю чайник.

Пробегаю взглядом по шкафчикам. Кроме сахара да пачки печенья «Мария» – ничего нет. Обычно меня это устраивает, но сейчас чувствуется неловкость.

Одному мне много и не надо. А с Гришкой вчера не заехали в магазин, поздно уже было. Поедем сегодня, да ожидание доставки сдвинуло планы.

Мда, не густо.

Чайник щёлкает, закипев.

Завариваю свежий.

– А чо за кипишь? – Гришка стоит в дверях кухни и наблюдает за мной. Кот у него под мышкой.

– Гости у нас.

– Кто?

– Соседка.

– А-а-а, – тянет недовольно, сморщив нос. Вся моська выражает крайнее неодобрение.

– Да-да, мы ещё не поговорили по поводу твоей выходки, – напоминаю ему про воровство.

Разворачивается и уходит. Слышно, как он бубнит что-то коту в коридоре.

Заглядываю в холодильник. Достāju колбасу, сыр, хлеб. Хоть что-то. Нарезаю наспех.

– Извините, я постучала, но никто не открыл, – в кухне показывается девушка.

И я зависаю.

В моём доме в принципе женщин не бывает. И это не значит, что я их не люблю, отнюдь. Все встречи происходили на их территории или на нейтральной. А тут мало того что в доме появился ребёнок, так теперь и женщина.

Не к добру.

– Проходи.

Она входит. В руках баночка, пакет. Ставит на стол.

– Вот, варенье и рогалики. Не знаю, что обычно любят дети.

– Я ем всё, – откуда ни возьмись появляется Гришка снова.

С котом. Тот уже вовсю крутит головой, вынюхивая что-то вкусное.

– А, – заметив мохнатую жопу, Ася как-то меняется в настроении. – Что купила для этого беглеца, – смотрит на него,

– я принесу. Там чашки и корм. А то вы не подготовлены были к такому соседству.

– Присаживайся. Сейчас чай налью.

Разливаю по чашкам кипяток, поглядывая на девушку, которая, сидя за столом, разглядывает кухню.

Гришка садится напротив неё и смотрит прямым взглядом.

– Варенье какое? – спрашивает.

Ася переводит взгляд на него.

– Клубничное.

– Вкусное?

– Попробуй, – улыбается.

– А можно? – всё это выдаёт хмурясь.

– Конечно.

– А то, мало ли, – тянется к ложке и ныряет сразу в банку.

Ставлю чашки на стол.

– Руки мыл? – спрашиваю парня.

– Да ну, – отмахивается, жуя варенье.

– Быстро.

Гришка зыркает на меня недовольно. Поднимает ладони и, плюнув на одну, трёт их друг о друга.

– Григорий! – повышаю голос.

– Да ладно, иду, – зло выдаёт и, спрыгнув со стула, вылетает из кухни.

Я выдыхаю. Тишина на несколько секунд повисает между нами.

– Что? – натыкаюсь на взгляд Аси.

– Вы очень жёстко с ним.

– Не думаю, что эта та тема, которую я хотел бы обсуждать.

Ася замолкает.

– Так что по поводу забора, – начинаю подбирать слова. – Тебя сильно расстроит его отсутствие?

– Что?

– Временное отсутствие, – уточняю. – Не знаю, месяц-два, – прикидываю свои возможности.

– Нет, ну это никуда не годится, – поджимает губы.

– Прошу понять. В свою очередь обещаю, что вторжений на твою территорию не будет.

Хмыкает.

– Сомневаюсь.

Ничего не могу сказать в ответ. Потому что пацан пока ещё прощупывает дозволенные границы. И для меня он непредсказуем.

Молчу. Давить не в моих интересах. Да и ситуация в целом не на моей стороне.

– Хорошо, – вздыхает. – Два месяца вам. А пока можно и этот подпереть. Не люблю, когда моя территория как на открытой ладони.

– Григорий, – как только Ася уходит, я зову мальчишку, который так и не вернулся после того, как был отправлен

мыть руки.

В ответ – тишина.

– Гриша!

– Мяу, – проворчал кот, войдя на кухню, как хозяин в доме.

Ах да, теперь у меня живет еще и кот, да?

Так, всё это, конечно, не предел моих мечтаний, но что имеем, как говорится. Иду в комнату племянника. Поднимаюсь на второй этаж. Подхожу к полуоткрытой двери. Прислушиваюсь. Тишина. Открываю. И ловлю ступор. Потому что пацан сидит на подоконнике, свесив ноги на улицу.

Сглатываю. Напугать нельзя – не дай бог сорвется. Поэтому подхожу тихо, насколько это возможно, и рывком, схватив пацана за шкирку, втаскиваю обратно в комнату.

– Эй, ты чё? – верещит недовольно, отбивается ногами и руками, как обезьяна.

– Ремня сейчас выпишу – и сразу поймешь, за что выхватил, – рявкаю на него, а у самого сердце упало в пятки. Опираюсь о стену.

– И чё такого? Вид какой? Видел? Красота! Я просто смотрел, – начинает оправдываться, заикаясь.

Всё же напугал? Да я сам чуть не обосрался! Заглядываю в окно. И да, Гришка прав. Вид тут закачаешься. Если окно из моей спальни выходит на передний двор участка, забор и дорогу, то здесь – на поле и лес.

– Не думал, что ты такой эстет, – усмехаюсь. Кажется, па-

ника отходит. Нет, дети определенно не моё. Но выбора нет: пацана надо забирать.

– А теперь давай поговорим, – опускаюсь на пол.

Гришка, вскинув бровь, садится напротив, у двери.

– О чём?

– О правилах поведения.

– Ну начинается, – вздыхает.

– И не закончится, уж поверь мне.

– Валяй, – машет рукой.

– Ты слушаешься меня. Не рискуешь своим здоровьем, вот как сейчас – сидя на окне. Это было опасно. Ты мог свалиться. Тут лететь недолго, а шею сломать хватит. Не воровать!

– Снова жаловалась? – усмехается.

Пропускаю мимо ушей.

– Не воровать ни у соседей, ни в этом доме, ни где-либо еще. Не врать. Не грубить.

– Слушай, можешь сразу меня вернуть, – морщит нос и отворачивается.

– То есть там тебе нравится больше, чем здесь?

Молчит, поджав губы.

– Если ты хочешь, чтобы тебя отдали мне, а не чужим людям, то не вставляй мне палки в колёса и води себя подобающе. Если кто-то на тебя пожалуется, или еще чего хуже, – всё, прощаемся, и глазом моргнуть не успеешь.

– Зачем тебе я? – вдруг делается серьезным и смотрит на

меня. – Ты же не любишь детей.

– Когда ты успел такие выводы сделать? Мы сутки живем под одной крышей, – удивляюсь его вопросу.

– А чё тут думать? Видно же, что я тебя раздражаю.

– Детей у меня не было и нет. Поэтому тебе придется мне помочь в этом. А почему я забираю тебя? Потому что мы не чужие люди. Ты знаешь, как плохо жить, зная, что ты один на этом свете?

Качает головой.

– Поэтому нам нужно держаться вместе, Гриша. Тяжелее, чем в детском доме, уж точно не будет. Всё зависит от нас, понимаешь?

– Понимаю.

– И прекрати чокать, договорились?

– Хорошо, – с тяжелым вздохом, заставляя меня улыбнуться.

– Ну вот и чудесно, – поднимаюсь на ноги. Гришка тоже поднимается и отходит к кровати.

– А на этой ты жениться собираешься? – прилетает вопрос в спину.

Моя рука зависает над дверной ручкой.

– Жениться? – оборачиваюсь к нему.

– Ну да. Чё она в гости приперлась?

– Не чокай, – напоминаю.

– Ой, – хлопает себя ладонью по губам.

– И нет, жениться я не собираюсь, – отвечаю на его вопрос.

– Но это не значит, что ты можешь неуважительно с Асей разговаривать и вести себя, понял меня?

– Понял-понял, – фыркает и отворачивается.

– Сейчас занесу коробки. Будем собирать тебе шкаф.

– И я могу помочь? – бежит за мной.

– Можешь, но без энтузиазма.

– А это как?

– А это значит, что тяжести ты не тягаешь, что не берешь молоток и не стучишь себе по пальцам, понял?

– Понял-понял, – соглашается быстро.

И мы принимаемся за сборку мебели. Надо признать, Гришка смысленный пацан получился. Подает нужный инструмент. Удивляюсь, откуда знает, что есть что. Сам скручивает полки, ловко орудуя шестигранником. А потом показываю, как работать с шуруповертом, – и дело начинает идти быстрее.

Со сборкой мы зависаем дома до вечера. И в итоге шкаф, стеллаж и комод прекрасно вписываются в комнату.

– Сейчас разберешь вещи, пока я готовлю ужин, – даю наказ. Кивает с деловым видом.

Пока пацан занят, я выхожу на улицу покурить. И, видимо, вовремя. Прикуриваю сигарету, опираюсь локтями о перила крыльца и наблюдаю с любопытством за соседкой. Эта неугомонная пигалица пытается поднять забор. Чокнутая, не меньше! Половину уже подперла палками. Выглядит это

ужасно: не ровно стоит конструкция, иначе она завалится уже на мою сторону. Поэтому можно сказать, что забор находится в полуобморочном состоянии. И всё же упадет, уверен.

– То есть неймаётся, да? – хмыкаю, затушив окурок, и направляюсь к ней.

– Лучше помогли бы, – фыркает недовольно, сдувая упавшую прядь на лицо.

– Я же сказал...

– Надо не говорить, а делать, – огрызается.

Ну что за баба? И, подперев очередную часть забора палкой, упирает руки в бока и зыркает на меня недовольно.

Палка трещит от нагрузки. Ася лезет ее поправлять.

– Стой, дура, не лезь! – рявкаю я, но уже поздно. Палка ломается, и всё, что она успела приподнять, падает по цепной реакции, завалив девушку.

– Твою мать, Ася!

Перепрыгиваю забор и поднимаю ту часть, под которой находится эта женщина-беда.

– Живая?

– Кажется, да, – звучит тихо.

– Вылезти сможешь? – поднимаю забор выше.

И Ася выползает из-под него, остается сидеть на траве. Бросаю его и подхожу к ней, присаживаясь рядом. На щеке – царапины, на руках – ссадины.

– Где болит?

– Нога.

– Идти сможешь?

Помогаю подняться. Делает шаг, тут же переступая на другую ногу, морщит нос.

– Так, понятно, – подхватываю ее на руки. Взвизгивает, обхватив меня за шею.

– Отнесите меня домой, – говорит мне приказным тоном.

Я и несу. К себе. Где-то была у меня зеленка, пластырь. Еще бы найти в себе стойкость и мужество не паялься на нее, как оголодавший. А то ее запах сорвет мне крышу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.